

Барским крестьянам от их доброжелателей поклон *

Барским крестьянам от их доброжелателей поклон. Ждали Вы, что даст вам царь волю, вот вам и вышла от царя воля.

Хороша ли воля, какую дал Вам царь, сами вы теперь знаете. Много тут рассказывать нечего. На два года остается все по-прежнему: и барщина остается, и помещику власть над вами остается, как была. А где барщины не было, а был оброк, там оброк остается, либо какой прежде был, либо еще больше прежнего станет. Это на два года, говорит царь. В два года, говорит царь, землю переписут да отмежуют. Как не в два года!

Пять лет, либо десять лет проволочут это дело. А там что? Да почи-тай что то же самое еще на семь лет; только та разница и будет, что та-кие разные управления устроят, куда, вишь, можно жаловаться будет на помещика, если притеснять будет. Знаете вы сами, каково это слово «жалуйся на барина». Оно жаловаться-то и прежде было можно, да много ли толку было от этих жалоб? Только жалобщиков же оберут, да разорят, да еще пересекут, а иных, которые смелость имели, и еще и в солдаты забреют, либо в Сибирь да в арестантские роты сошлют. Толь-ко и проку было от жалоб. Известно дело: коза с волком тягалась, один хвост остался. Так оно и было, так оно и будет, покуда волки останутся, значит помещики да чиновники останутся. А как уладить дело, чтобы волков-то не осталось, это дальше все рассказано будет. А теперь поку-да не об этом речь, какие новые порядки надо вам завести; покуда о том речь идет, какой порядок вам от царя дан, — что значит, не больно-то хороши для вас нынешние порядки, а что порядки, какие по царскому манифесту, да по указам заводятся, все те же самые прежние порядки. Только в словах и выходит разница, что названья переменяются. Прежде крепостными, либо барскими вас звали, а ноне срочнообязанными вас звать велят; а на деле перемены либо мало, либо вовсе нет. Эки сло-ва-то выдуманы! Срочнообязанные, вишь ты глупость какая! Какой им черт это в ум-то вложил такие слова! А по-нашему надо сказать: вольный человек, да и все тут. Да чтобы не названием одним, а самым делом был вольный человек. А как бывает в неправду вольный человек, и каким манером вольными людьми можно стать, об этом обо всем дальше на-писано будет. А теперь покуда о царском указе речь, хорош ли он.

Так вот оно как: два года ждите, царь говорит, покуда земля отме-жуется, а на деле земля-то межеваться будет пять, либо и все десять лет; а потом еще семь лет живите в прежней кабале, а по правде-то оно выйдет опять не семь лет, а разве что семнадцать, либо двадцать, по-тому что все, как сами видите, в проволочку идет. Так значит, живите вы по старому, в кабале у помещика все эти годы, два года да семь лет,

значит девять лет, как там в указе написано, а с проволочками-то взаправду выйдет двадцать лет, либо тридцать лет, либо и больше. Во все эти годы оставайся мужик в неволе, уйти никуда не моги: значит не стал еще вольный человек, а все остается срочнообязанный, значит все тот же крепостной. Не скоро же воли вы дождетесь, — малые мальчишки до бород, аль и до седых волос дожить успеют, покуда воля-то придет по тем порядкам, какие царь заводит.

Ну, а покуда она придет, что с вашей землею будет? А вот что с нею будет. Как отмежевывать станут, обрезать ее велено против того, что у вас прежде было, в иных селах четвертую долю отрежут от прежнего, в иных третью, а в иных и целую половину, а то и больше, как придется где. Это еще без плутовства от помещиков, да без потачки им от межевщиков по самому царскому указу. А без потачки помещикам межевщики делать не станут, ведь им за то помещики станут деньги давать; оно и выйдет, что оставят вам земли меньше, чем наполовину против прежней; где было на тягло по две десятины в поле, оставят меньше одной десятины, И за одну десятину, либо меньше, мужик справляй барщину почти такую же, как прежде за две десятины, либо оброк плати почти что такой же, как прежде за две десятины.

Ну, а как мужику обойтись половиной земли? Значит, должен будет прийти к барину просить: дай, дескать, землицы побольше, больно мало мне под хлеб по царскому указу оставили. А помещик скажет: мне за нее прибавочную барщину справляй, либо прибавочный оброк давай. Да и заломит с мужика сколько хочет. А мужику уйти от него нельзя, а прокормиться с одной земли, какая оставлена ему по отмежевке, тоже нельзя. Ну, мужик на все и будет согласен, чего барин потребует. Вот оно и выйдет, что нагрузит на него барин барщину больше нонешней, либо оброк тяжелее нонешнего.

Да за одну ли пашню надбавка будет? Нет, ты барину и за луга отдавай, ведь сенокос-то, почитай что весь отнимут у мужика по царскому указу. И за лес барин с мужика возьмет, ведь лес-то, почитай, что во всех селах отнимут; сказано в указе, что лес барское добро, а мужик и валежнику подобрать не смей, коли барину за то не заплатит. Где в речке или в озере рыбу ловили, и за то барин станет брать. Да за все, чего ты ни коснись, за все станет с мужика барин либо к барщине, либо к оброку надбавки требовать. Все до последней нитки будет барин драть с мужика. Просто сказать, всех в нищие поворотят помещики по царскому указу.

Да еще не все. А усадьбы-то переносить? Ведь от барина зависит. Велит перенести, — не на год, а на десять лет разоренья сделает. С речки на колодцы пересадит, на гнилую воду, да на вшивую, с доброй земли на солончаки, либо на песок, либо на болото, — вот тебе и ого-

роды, вот тебе и конопляники, вот тебе и выгон добрый, все поминай как звали. Сколько тут перемрет народу, на болотах-то, да на гнилой воде! А больше того ребятишек жаль: их лета слабые, как мухи будут на дрянной-то земле, да на дрянной-то воде мереть. Эх, горькое оно дело! А гробы-то родительские — от них-то какво отлучаться?

Тошно мужику придется, коли барин по царскому указу велит на новые места переселяться. А коли не переселил барин мужиков, так они, значит, уж в чистой, как есть, кабале у него: на все есть у него одно такое словцо есть, что в ноги ему упадет мужик да завопит: «батюшка, отец родной, чего хочешь, требуй, все выполню, весь твой раб!» А словцо-то у барина таково: «коли не хочешь такую барщину справлять, либо такой оброк платить, как я хочу, переноси усадьбу». Ну, и сделаешь все по этому словечку.

А то вот что еще скажет: ты на меня работал этот день, да его в счет не ставлю: плохо ты работал; завтра приходи отрабатывать. Ну и придешь. На это то же власть барину дана по указу царскому.

Это все об том говорится, как мужикам будет жить, покуда их срочнообязанными звать будут, значит девять лет, как в бумаге обещано, а на деле дольше будет, лет до двадцати, либо до тридцати.

Ну, так; а потом-то что будет, когда, значит, мужику разрешено будет отходить от помещика? Оно, пожалуй, что и толковать-то об этом нечего, потому что долго еще ждать этого по царскому указу. А коли любопытство у вас есть, так и об этом дальнем времени рассудить можно.

Когда срочнообязанное время покончится, волен ты будешь отходить от помещика. Оно так в указе обещано. Только в нем вот что еще прибавлено: а коли ты уйдешь, так земля твоя останется за помещиком. А помещик и сам, коли захочет, может тебя прогнать с нее. Потому, вишь ты, что земля, которая тебе была отмежевана, все же не твоя была, а барская, а тебе барин только разрешение давал ее пахать, либо сено с нее косить; покуда ты срочнообязанным назывался, он тебя с нее прогнать не мог; а когда перестал ты срочнообязанным называться, он тебя с нее прогнать может. В указе не так сказано напрямки, что может прогнать, да на то выходит. Там сказано: мужик уйти может, когда срочнообязанное время кончится. Вот вы и разберите, что выходит. Барину-то у мужиков землю отнять хочется; вот он и будет теснить их и жать, да сожмет так, что уйдут, а землю ему оставят, — оно, попросту сказать, и значит, что барин у мужиков землю отнять может, а мужиков прогнать.

Это об том времени, когда срочнообязанными вас называть перестанут. А покудова называют, барину нельзя мужиков прогнать всех с одного разу, а можно только по отдельности прогонять: ноне Ивана, завтра Сидора, послезавтра Карпа, поочередно; оно, впрочем, на то же выходит.

А мужику куда итти, когда у него хозяйство пропало? В Москву, что ли, али в Питер, али на фабрики? Там уже все полно, больше народу не требуется, поместить некуда. Значит, походишь, походишь по свету, по большим-то городам да по фабрикам, да все туда же в деревню назад вернешься. Это спервоначала пробу мужики станут делать. А на первых-то глядя, как они нигде себе хлеба не нашли, другие потом и пробовать не будут, а прямо так в том околотке и будут оставаться, где прежде жили. А мужику в деревне без хозяйства да без земли, что делать, куда деваться, кроме как в батраки наняться. Ну, и наймешься. Сладко ли оно батраком-то жить? Ноне, сами знаете, не больно вкусно; а тогда и гораздо похуже будет, чем ноне живут батраки. А почему хуже будет, явное дело. Как всех-то погонят с земли-то, так везде станут сотни да тысячи народу шататься да просить помещиков, чтобы в батраки их взяли. Значит, уж помещичья воля будет, какое житье им определить, они торговаться не могут, как ноне батрак с хозяином торгуется: они куску хлеба рады будут, а то у самого-то в животе пусто, да семья-то приюта не имеет. Есть такие поганые земли, где уж и давно заведен этот порядок; вот вы послушайте, как там мужики живут. У вас ныне избы плохи, а там и таких нет: в землянках живут, да в хлевах; а то в сараях больших, в одном сарае семей десяток набито, все равно как там табун скота всякого. Да и хлеба чистого не едят, а дрянь всякую, как у нас в голодные годы, а у них вечно так. У нас, в русском царстве, есть такая поганая земля, — где города Рига, да Ревель, да Митава стоят; а народ там тоже христианский, и вера у него тоже хорошая; да не по вере эта земля поганая, а потому, как в ней народ живет: коли хорошо мужику жить в какой земле, то и добрая земля; а коли дурно, то и поганая.

Так вот оно к чему по царскому-то манифесту да по указам дело поведено: не к воле, а к тому оно идет, чтобы в вечную кабалу вас помещики взяли, да еще в такую кабалу, которая гораздо и гораздо хуже нынешней.

А не знал царь, что ли, какое дело он делает? Да сами вы посудите, мудрено ли это разобрать? Значит, знал. Ну, и рассуждайте, чего надеяться вам на него. Оболгал он вас, обольстил он вас. Не дождетесь вы от него воли, какой вам надобно. А почему не дождетесь от него, тоже рассудить можно.

Сам-то он кто такой, коли не тот же помещик? Удельные-то крестьяне чьи же? ведь они его крестьяне крепостные. Да и вас-то в крепостные помещикам все цари же отдали, иных давно, так что вам уже и не памятно; а других не больно давно, так что деды помнят, прабабка нынешнего царя Екатерина отдала в крепостные из вольных. А есть еще такие неразумные, что ее матушкою Екатериною величают. Хороша матушка, детей в кабалу отдала.

Вы у помещиков крепостные, а помещики у царя слуги, он над ними помещик. Значит, что он, что они — все одно. А сами знаете, собака собаку не ест. Ну, царь и держит барскую сторону. А что манифест да указы выпустил, будто волю вам даст, так он только для обольщения сделал. А почему сделал, вот почему. У французов да у англичан крепостного народа нет, вот они ему глаза и кололи, что у тебя, говорят, народ в кабале. Ему и стыдно стало перед ними. Вот он им пыль-то в глаза и подпустил; для похвальбы это сделано, для обману сделано.

Волю, слышь, дал он вам! Да разве такая в исправду-то воля бывает? Хотите знать, так вот какая.

Вот у французов есть воля. У них нет розницы: сам ли человек землю пашет, других ли нанимает свою землю пахать; много у него земли — значит, богат он; мало — так беден; а розницы по званью нет никакой, все одно как богатый помещик, либо бедный помещик — все одно помещик. Надо всеми одно начальство, суд для всех один и наказание всем одно.

Вот у англичан есть воля, а воля у них та, что рекрутства у них нет: кто хочет, иди на военную службу, все равно, как у нас помещики тоже юнкерами или офицерами служат, коли хотят. А кто не хочет, тому и принужденья нет. А солдатская служба у них выгодная, жалованье солдату большое дается; значит, доброй волей идут служить, сколько требуется людей.

А то вот еще в чем воля и у французов и у англичан; подушной подати нет. Вам это, может, и в ум не приходило, что без рекрутчины да без подушной подати может царство стоять. А у них стоит. Вот, значит, умные люди, коли так устроить себя умели.

А вот еще в чем у них воля. Пачпортов нет; каждый ступай, куда хочет, живи, где хочет, ни от кого разрешенья на то ему не надо.

А вот в чем у них воля: суд праведный. Чтобы судья деньги с кого брал, у них это и не слыхано. Они и верить не могут, когда слышат, что у нас судьи деньги берут. Да у них такой судья одного дня не просидел бы на месте, в ту же минуту в острог его запрятали бы.

А вот еще в чем у них воля: никто над тобою ни в чем не властен, кроме мира. Миром все у них правится. У нас исправник, либо становой, либо какой писарь, а у них ничего этого нет, а заместо всего станет староста, который без миру ничего поделать не может, и во всем должен миру ответ давать. А мир над старостою во всем властен, а кроме мира никто над старостою не властен, и ни к кому староста страха не имеет, а к миру страх имеет. Полковник ли, генерал ли, у них все одно: перед старостою шапку ломит и во всем старосту слушаться должен; а коли чуть в чем провинился генерал, али кто бы там ни был, перед старостою, али ослушался старосты, староста его, полковника-то аль генерала-то, в

острог сажает, — у них перед старостою все равно: хоть ты простой мужик, хоть ты помещик, хоть ты генерал будь, все одно староста над тобою начальствует, а над старостою мир начальствует, а над миром никто начальствовать не может, потому что мир значит народ, а народ у них всему голова: как народ повелит, так тому и быть. У них царь над народом не властен. Потому что у них царь, значит для всего народа староста, и народ значит, над этим старостою, над царем-то, начальствует. Хорош царь, послушествует народу, так и жалованье ему от народа выдается; а чуть что царь стал супротив народа делать, ну так и скажут ему: ты, царь, над нами уже не будь царем, ты нам негоден, мы тебя сменим, иди ты с богом, куда сам знаешь, от нас подальше; а не пойдешь, так мы тебя в острог посадим да судить станем тебя за твое ослушанье. Ну, царь и пойдет от них, куда сам знает, потому что ослушаться народа не может. А как провожать его от себя станут, они ему на дорогу еще деньжонок дадут, из жалости. Христа ради там складчину ему сделают промеж себя по грошу аль по копейке с души, чтобы в чужой-то земле с голоду не умер. Добрый народ, только и строгой же: потачки царю не любят давать. А на место его другого царя выберут, коли захотят, а не захотят, так и не выбирают, коли охоты нет. Ну тогда уж просто там на срок староста народный выбирается, на год ли там, на два ли, на четыре года, как народ ему срок полагает. Так заведено у народа, который швейцарцами зовется, и у другого народа, который американцами зовется. А французы и англичане царей у себя пока держат. И надобно так сказать, когда народный староста не по наследству бывает, а на срок выбирается, и царем не зовется, а просто зовется народным старостою, а по-ихнему, по-иностранным президентом, тогда народу лучше бывает, и народ богаче бывает. А то и при царе тоже можно хорошо жить, как англичане и французы живут, только, значит, с тем, чтобы царь во всем народу послушанье оказывал и без народа ничего сделать не смел, и чтобы народ за ним строго смотрел, и чуть что дурное от царя увидит, сменял бы народ его, царя-то, и вон из своей земли выпроваживал, как у англичан да у французов делается.

Так вот она какая в исправду-то воля бывает на свете: чтобы народ всему голова был, а всякое начальство миру покорствовало, и чтобы суд был праведный, и ровный всем был бы суд, и чтобы бесчинствовать над мужиком никто не смел, и чтобы пачпортов не было и подушного оклада не было, и чтобы рекрутчины не было. Вот это воля, так воля и есть. А коли того нет, значит, и воли нет, а все одно обольщенье в словах.

А как же нам, русским людям, в неправду вольными людьми стать? Можно это дело обработать; и не то, чтобы очень трудно было; надо только единодушие иметь между собою мужикам, да сноровку иметь, да силой заpastись.

Вот вы, барские крестьяне, значит, одна половина русских мужиков. А другая половина — государственные и удельные крестьяне. Им тоже воли-то нет. Вот вы с ними и соглашайтесь, и растолкуйте им, какая им воля следует, как выше прописано. Чтобы рекрутчины, да подушной, да пачпортов не было, да окружных там, да всей этой чиновной дряни над ними не было, а чтобы у них тоже мир был всему голова. И от нас, ваших доброжелателей, поклон им скажите: как вам, так и им одного добра хотим.

Государственным и удельным крестьянам от их доброжелателей поклон.

А вот тоже солдат, — ведь он опять из мужиков, тоже ваш брат. А на солдате все держится, все нонешние порядки. А солдату какая прибыль за нонешние порядки стоять? Что, ему житье, что ли, больно сладкое? Аль жалованье хорошее? Проклятое нонче у нас житье солдатам. Да и лоб-то им забрили по принуждению, и каждому из них вольную отставку получить бы хотелось. Вот вы им и скажите всю правду, как об них написано. Когда воля мужикам будет, каждому солдату тоже воля объявится: служи солдатом, кто хочет, а кто не хочет, отставку чистую получай. А у солдата денег нет, чтобы домой идти да хозяйством или каким мастерством обзавестись, так ему при отставке будут на то деньги выданы, сто рублей серебром каждому. А кто волей захочет в солдатах остаться, тому будет в год жалованья пятьдесят рублей серебром. А и принужденья никакого нет, хочешь — оставайся, хочешь — в отставку иди. Вы так им и скажите, солдатам: вы, братья солдатушки, за нас стойте, когда мы себе волю добывать будем, потому что и вам воля будет: вольная отставка каждому, кто в отставку пожелает, да сто руб. серебром награды за то, что своим братьям мужикам волю добыть помогал. Значит, и вам и себе добро сделают. И поклон им от нас скажите: солдатам русским от их доброжелателей поклон.

А еще вот кому от нас поклонитесь: офицерам добрым, потому что есть и такие офицеры, и немало таких офицеров. Так чтобы солдаты таких офицеров высматривали, которые надежны, что за народ стоять будут и таких офицеров пусть солдаты слушаются, как волю добыть.

А вот еще о чем, братцы, солдат просите, чтобы они вас учили, как в военном деле порядок держать. Муштровки большой вам не надо, чтобы там в ногу идти по-солдатски да носок вытягивать, — без этого обойтись можно; а тому надо учиться вам, чтобы плечом к плечу плотнее держаться, да команды слушаться, да пустого страха не бояться, а мужество иметь во всяком деле да рассудок спокойный, значит, хладнокровие. И то вам надо узнать, что покуда вперед прешь да плотно держишься, да команды слушаешься, — тут мало вреда терпишь; тогда только опасность большая бывает, когда дрогнешь да мяться начнешь, да еще коли

побежишь назад, — ну, тут уж плохо дело. А куда вперед идешь, мало тебе пушка вреда делает. Ведь из сотни-то ядер одно в человека попадет, а другие все мимо летят. И о пулях то же надо сказать. Тут грому много, а вреда мало.

А кроме того, ружьями запасайтесь кто может, да всяким оружием.

Так вот оно какое дело: надо мужикам всем промеж себя согласие иметь, чтобы заодно быть, когда пора будет. А куда пора не пришла, надо силу беречь, себя напрасно в беду не вводить, значит спокойствие сохранять и виду никакого не показывать. Пословица говорится, что один в поле не воин. Что толку-то, ежели в одном селе булгу поднять, когда в других селах готовности еще нет? Это значит, только дело портить да себя губить. А когда все готовы будут, значит везде поддержка подготовлена, ну, тогда, и дело начинай. А до той поры рукам воли не давай, смиренный вид имей, а сам промеж своим братом мужиком толкуй да подговаривай его, чтобы дело в настоящем виде понимал. А когда промеж вами единомушие будет, в ту пору и назначение выйдет, что пора, дескать, всем дружно начинать. Мы уж увидим, когда пора будет, и объявление сделаем. Ведь у нас по всем местам свои люди есть, отовсюду к вам вести приходят, как народ, да что народ. Вот мы и знаем, что куда еще нет приготовленности. А когда приготовленность будет, нам тоже видно будет. Ну, тогда и пришлем такое объявление, что пора, люди русские, доброе дело начинать, и что во всех местах в одну пору начнется доброе дело, потому что везде тогда народ готов будет, и единомушие в нем есть, и одно место от другого не отстанет. Тогда и легко будет волю добыть. А до той поры готовься к делу, а сам виду не показывай, что к делу у тебя подготовка идет.

А это наше письмо промеж себя читайте, да друг дружке раздавайте. А кроме своего брата-мужика да солдата, ото всех его прячьте, потому что для мужиков да для солдат наше письмо писано, а к другому ни к кому оно не писано, значит, кроме вас, крестьян да солдат, никому и знать об нем не следует.

Оставайтесь здоровы, да вести от нас ждите. Вы себя берегите до поры до времени, а уж от нас вы без наставленья не останетесь, когда пора будет.

Печатано письмо это в славном городе Христиании, в славном царстве Шведском, потому что в русском царстве царь правду печатать не велит. А мы все люди русские и промеж вас находимся, только до поры до времени не открываемся, потому что на доброе дело себя бережем, как и вас просим, чтобы вы себя берегли. А когда пора будет за доброе дело приниматься, тогда откроемся.

* Автором прокламации считается Н.Г. Чернышевский